

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЛОСОФИЯ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ФРИДРИХ
НИЦШЕ

**ПО ТУ СТОРОНУ
ДОБРА И ЗЛА**

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)
Н70

Дизайн серии *Дмитрия Агапонова*
В оформлении издания использованы иллюстрации
из архива *Shutterstock*
Составление, предисловие и комментарии профессора РГГУ
и ВлГУ, ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН
Александра Маркова
Перевод с немецкого *Николая Полилова*

Ницше, Фридрих

Н70 По ту сторону добра и зла / Фридрих Ницше; сост., предисл., коммент. А. В. Маркова; пер. Н. Полилова. — Москва : издательство АСТ, 2024. — 320 с.; илл. (Популярная философия с иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-168191-3

Фридрих Ницше — один из самых известных и неvezучих европейских философов. Всю жизнь он боролся с болезнями, работал вопреки обстоятельствам, при этом не был принят ни коллегами, ни близкими. После смерти его идеи подверглись искажению и примитивизации, а имя стало ассоциироваться с фашистской идеологией, хотя он не имел с ней ничего общего.

«По ту сторону добра и зла» можно назвать квинтэссенцией философии Ницше. В этом труде он делится переживаниями относительно болезней и упадочности европейского общества, а также рассуждает о методах их «лечения». Современниками его взгляды были восприняты как «безбожие» и «иммориализм», хотя философ всего лишь предлагал освободиться от засилья ярлыков, преодолеть ханжество, а также обновить общественные устои и мораль. Призывы философа вполне актуальны и сегодня, ведь в хаосе ценностей, понятий и норм как никогда важно разобраться, что из них искажено и навязано, а что действительно необходимо воспринять свободным и деятельным умом, чтобы на этой основе стать хозяином собственной жизни.

УДК 1 (091) (430)
ББК 87.3 (4Гем)

ISBN 978-5-17-168191-3

© А. В. Марков, составление, предисловие,
комментарии, 2024
© Издательство АСТ, 2024

На океанском дне разрушенных ценностей, или Что такое нехорошо и что такое неплохо

Труд «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» был написан Ницше зимой 1885–1886 годов. Уже подзаголовок включал в себя ответ критикам: когда Ницше защитил диссертацию «Рождение трагедии из духа музыки», посвященную влиянию духа Диониса, духа экстатического опьянения, на содержание и форму трагедии, суровый филолог Ульрих Виламовиц-Мёллендорф ответил развернутой рецензией «Филология будущего!», где упрекнул Ницше в модернизации античности, в тенденциозном понимании памятников античного искусства и в желании осовременить античность через музыку. Ницше был весьма расстроен таким откликом на свою диссертацию: критика Виламовица была для него примером узкого подхода к явлениям культуры, когда из античности достойным внимания объявляется только аполлоническое — добрые и прекрасные произведения.

Ницше сожалел, что Виламовиц не хочет видеть темную, ночную сторону античной культуры, считая, что вся она состояла только из светлых богов с ясными функциями и что в античности не было абсурдного, гротескного, иррационального. Не случайно Ницше, выпустив книгу «По ту сторону добра и зла», отправил первые экземпляры филологам, таким как Эрвин Роде, которые и защищали его от нападков Виламовица. По сути, эта книга должна была объяснить, как возможно иррациональное, чрезмерное, нелепое, уродливое в самой культуре вопреки возражениям критиков, что человек всегда добр, что добро должно побеждать, что во всем должны соблюдаться нормы, а значит, ничему иррациональному, смутному или странному в культуре места нет.

Александр Марков

Ницше писал эту книгу на творческом подъеме, сразу после завершения в 1884 году философского романа «Так говорил Заратустра». В конце 1882 года Ницше приехал в Рим, где познакомился с Лу Саломе, женщиной-философом русского происхождения. Он был влюблен в нее, но создавать семью не стал, предпочтя сермяжному быту мифологию. Рим был для него миром открытий — в его книге «По ту сторону добра и зла» поэтому столько рассуждений о римской культуре, о характере романских народов, о цивилизации римлян в сравнении с цивилизацией греков — над этими вопросами он раньше не задумывался. Рим для Ницше — мир эклектики, гротескного сочетания несочетаемого, в отличие от современной обыденной плоской жизни.

Если использовать термин М. М. Бахтина (о котором мы еще скажем ниже), Рим для Ницше — это карнавал, торжество карнавально-гротескной культуры. Греция для него — это скорее идеал, экстатичное преодоление себя, тогда как Рим — это постоянный опыт быть выше добра, создавать понятия о дружбе, бессмертии, подвиге или славе, которые не сводятся к понятиям добра или зла. Но эти понятия тоже могут выродиться, тоже могут быть присвоены или ложно истолкованы обывателями, — и поэтому Ницше считал, что Рим должен как бы вернуться к Греции, в своей гротескной пестроте найти дионисийский экстаз, опьянение древнегреческим (ближневосточного происхождения) богом вина.

Именно такое возвращение должно было состояться в личной жизни Ницше: он жил в одной квартире с Лу и с общим знакомым Паулем Рэ, и это была не любовь и не дружба, но что-то вроде алхимического опыта по возвращению римского начала (Лу) через начало общей для Греции и Рима культуры (Рэ) к дионисийскому экстазу подлинной Греции (Ницше). Этот алхимический опыт не удался, коммуна распалась, но Ницше стал вместо долгих разговоров под одной крышей творить и писать, пытаясь вывести дионисийский экстаз из своего греческого бытования и передать его персидскому пророку Зороастру-Заратустре.

На океанском дне разрушенных ценностей...

Так Ницше и написал роман «По ту сторону добра и зла», где поставил в один ряд Грецию, Рим, Средневековье, Возрождение и современность. Всё это были эпохи развития человечества, когда ему грозила расслабленность от сведения добра и зла к отдельным инструкциям и моральным урокам. И в каждую из этих эпох находились люди, предвещавшие появление сверхчеловека, которые показывали, что самое творческое, самое созидательное в социальной жизни — это сама жизнь. Это жизнь, которая провоцирует нас, велит нам быть живыми, живо и совестливо реагировать на происходящее — тогда как *мораль добра и зла* заменяет живую совесть плоскими и лицемерными *инструкциями по применению*. Быть по ту сторону добра и зла — это быть подальше от фарисейства моралистов.

Кратчайший реферат этой книги Ницше сделал Томас Манн: «Доминирующим в этом комплексе идей является понятие культуры. Оно почти уравнено в правах с жизнью: культура — это всё, что есть в жизни аристократического; с нею тесно связаны искусство и инстинкт, они источники культуры, ее непереносимое условие; в качестве смертельных врагов культуры и жизни выступает сознание и познание, наука и, наконец, мораль, — мораль, которая, будучи хранилищем истины, тем самым убивает в жизни всё живое, ибо жизнь в значительной мере зиждется на видимости, искусстве, самообмане, надежде, иллюзии, и всё, что живет, вызвано к жизни заблуждением <...> Его жизнь была пьянящим хмелем и страданием — сплавом высочайшей эстетической пробы, в котором, если говорить языком мифа, слились воедино Дионис и Распятый. Потрясая тирсом, он воспел экстатический гимн могучей и прекрасной, безнравственноторжествующей жизни и вызвал на бой иссушающий разум, чтобы спасти жизнь от оскудения, а между тем никто не служил страданию вернее и преданнее, чем он»¹.

¹ Манн Т. Философия Ницше в свете нашего опыта / Пер. с нем. П. Глазовой. // Манн Т. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 10. <https://www.nietzsche.ru/look/xxa/mann-filosof/>

Александр Марков

Сочинение Ницше зазвучало на немецком языке, где противопоставление добра и зла — это не антитеза доброго и злого поступка. Дело в том, что в немецком языке, на что обратил внимание еще Кант, кроме пары *добро* и *зло* есть еще пара *хорошо* и *плохо*. Разумеется, любой человек понимает, что если у него украли кошелек, это плохо, а если его угостили, это хорошо. Также человек, будучи наделен эмпатией, понимает, что если он украл у другого кошелек, он сделал плохо. В. В. Маяковский в стихотворении «Что такое хорошо и что такое плохо» говорил не о природе добра и зла, но о практических поступках, которые социально одобряемы или социально предосудительны, но одновременно признаются и самим вершителем поступка как хорошие или плохие. Однако Маяковский не разбирал в своем стихотворении природу добра и зла. Тем не менее его текст хорошо иллюстрирует, что слова *хорошо* и *плохо* — не синонимы слов *добро* и *зло*. Вот как пишет Кант в «Критике практического разума»:

«Немецкий язык, к счастью, обладает терминами, не дающими проглядеть это различие. Для того, что латиняне называют одним-единственным словом *bonum*, он имеет два очень хороших понятия и два не менее отличных выражения: для *bonum* — *das Gute* и *das Wohl*, для *malum* — *das Böse* и *das Übel* (или *Weh*), поэтому будет два совершенно разных суждения (*Beurteilungen*): принимаем ли мы при обсуждении поступка во внимание *Gute* и *Böse* [добро и зло], или наши *Wohl* и *Weh* (*Übel*) [хорошо и дурно]» (пер. А. В. Маркова).

Ницше, разумеется, помнил это рассуждение Канта, почему в позднейшем труде «К генеалогии морали», который был написан как продолжение или комментариев к этой книге, Ницше объяснял, что «по ту сторону добра и зла» — это не то же самое, что «по ту сторону хорошего и плохого». Разумеется, Ницше не хотел, чтобы люди вели себя плохо, и ему вполне нравилось, когда люди поступают хорошо. Но добро и зло — это не нравственные характеристики поступка, а метафизические категории бытия. Чтобы признать что-то хорошим или плохим, достаточно прямого нашего чувства, простой честности. Но

На океанском дне разрушенных ценностей...

добро и зло — это оценки, подразумевающие способы и процедуры оценивания. Именно против таких выхолащивающих процедур, усредняющих и вкус, и социальный опыт, требующих от всех поступать одинаково осторожно и скучно, и восстает Ницше.

Против чего он еще бунтует? Против власти грамматики как программы мышления человека. Поначалу увидев в музыкальных драмах своего кумира Рихарда Вагнера настоящее возрождение дионисийской античной трагедии, он потом счел, что эти драмы втискивают живую жизнь в готовые сценарии. Грамматика — это навязанная жизни структура, наподобие расписания поездов, которая делает ее более суетливой. А ведь жизнь благородна, неспешна, в чем-то рассеяна. Но она и яростна настолько, что перед ней, перед ее авангардным натиском расступаются подлежащие и сказуемые и все остальные школьные премудрости, втиснутые в расписание уроков.

Грамматике, которая требует на всё приклеивать ярлыки, что добро, а что зло, что правильно, а что ошибочно, Ницше противопоставляет своеобразную мистику жизни. Настоящая живая жизнь не дает себя оценивать, для нее это насилие и оскорбление, но она ценна для тех, кто равен ей — существование гениального сверхчеловека жизнь наделяет смыслом, а тот, в свою очередь, спасает ее от вырождения.

Милан Кундера в романе «Невыносимая легкость бытия» прямо ссылается на Ницше, говоря, что если человек постоянно находится под тяжестью вечного возвращения, моральных повторяющихся уроков из постоянных рутинных событий, то сверхчеловек, оказавшийся по ту сторону добра и зла, находится в невыносимой легкости бытия. Всякое его состояние неповторимо, головокружительно ново, небывало во всех смыслах. Сверхчеловек — это любой человек, вдруг столкнувшийся с неповторимым событием и понявший, что это событие естественно. Только Кундера говорит, что и сверхчеловек будет испытывать ностальгию, просто потому что знает, сколько зла произошло в XX веке. Ницше же еще переживал свою гениальность как факт неповторимости.

Александр Марков

По словам того же Т. Манна из уже цитировавшейся статьи: «собственная гениальность становится для Ницше предметом восхищенного удивления, доводит до гипертрофии его чувство собственного достоинства, развивает в нем бесстыдную, до кощунства доходящую самовлюбленность. Более того, в своей беспредельной наивности Ницше упоенно восславляет то состояние эйфорического возбуждения, ту предельную обостренность чувств, которые в действительности являются лишь симптомами болезни, ее обманчиво блаженной оборотной стороной»?¹ Но и мания величия Ницше — это особый эксперимент, это театр, после которого пресным становится любое притворство, любая попытка обыграть жизнь авантюрами или удовольствиями.

Ницше создал авангардный театр, в который клином входит живая жизнь, влюбленная в себя и требующая самых ярких и благодетельных для людей поступков. Что гениально — то завораживает людей, и люди отвечают на это не притворным, но настоящим добром — они хороши уже перед собственной природой, а не перед самими собой. Ведь я сам оказываюсь вовсе не подлинным «я», а маской самого себя.

Такую позицию Ницше, взаимного признания жизни и гения, продолжали многие. Например, наш отечественный мыслитель М. М. Бахтин в труде «Автор и герой в эстетической деятельности» говорил, что для героя автор непостижим, для героя автор — что-то невероятное и запредельное. А вот для своего коллеги-автора он постижим и может быть назван, например, социальным деятелем. Но именно первый разрыв, с героем, который может об авторе говорить только через отрицания («он — это не я»), и делает возможным существование автора. Зависание героя над бездной — залог разумных изобретений автора и развития жанра романа. Бахтин — только один из сотни или нескольких сотен гениальных продолжателей Ницше в XX веке.

Ницше оказывается неожиданно близок православной мистике, настаивающей на непостижимости Бога, как одновре-

¹ Манн Т. Указ. соч.

На океанском дне разрушенных ценностей...

менно именуемого и неименуемого. Богоборец Ницше на самом деле опровергает идолов морали ради парадоксального опыта первичного экстаза, первичного ощущения себя сотворенным в особом экстазе, который переживает сам Бог. Осознать этот экстаз Бога в себе здесь и сейчас — это и есть стать сверхчеловеком.

Греческий богослов Хр. Яннарас сближает Ницше с православным мистическим богословием Максима Исповедника и Григория Паламы, для которого Бог создает не моральную ситуацию, а отношение к жизни, присутствует здесь и сейчас и поэтому стоит выше бытия и добра. В той религиозности, которую критикует Ницше, «добро» есть то, что сковывает «я» ожиданием частного «спасения», ожиданием сохранения этого «я» в бесконечном линейном времени в условиях благодушного блаженного бездействия как покоя. «Ценности» тогда — это действительные условия мысли-желания-поведения, которые обеспечивают «спасение». Тогда как в православной религиозности спасение — это то, что делает человека спасенным, что оставляет его целым и невредимым, дарует ему полноту существования, так что человек остается во всей широте свободы, независимый от нужд и ограничений времени, пространства, тления и смерти.

Это не линейное добро, воспроизводящее себя в своей маске, но различные проявления добра, в которых время, пространство, даже само блаженство не так чувствуются, как возможность быть в новом отношении, свободном от всякой предопределенности. «Любовь и есть то слово в человеческом лексиконе, которое и обозначает свободу как сущностное событие, не как возможность бесконечного выбора или беспрепятственного предпочтения, выстраивания иерархий и преследования желанного, не как частное чувство и сочувствие, не как почтение, филантропия и альтруизм. Любовь тождественна свободе как событие способа существования, в котором осуществляется не поведение, но сама возможность существовать»¹.

¹ Γιανναράς, Χρήστος. Αντιχάρισμα στον Νίτσε. Αθήνα: Ίκαρος, 2020. E-book.

Александр Марков

Тогда быть по ту сторону добра и зла — это быть по ту сторону моралистического и линейного понимания блага, награды за добро и мщения за зло. В этом плоском понимании добро совершается, чтобы потом не испытывать никаких трудностей, но находиться в каком-то нейтральном скучном пространстве. Ницше срывает все маски и требует другого, живой жизни, которая не любит таких лицемерных маскировок, сведения добра к каким-то клишированным поступкам. На место линейного, скучного понимания, постоянного воспроизведения типичного поведения и его личины, становится множество проявлений, способных превратить время, пространство, причинность в дар здесь и сейчас и одновременно бесконечный дар.

Книга Ницше была издана на его собственные средства в издательстве К. Г. Наумана в Лейпциге. Часть экземпляров Ницше разослал друзьям, большую часть отправил на реализацию — но книга продавалась плохо. За десять месяцев удалось сбыть только 114 экземпляров. Лишь несколько ценителей, таких как друг Ницше, швейцарский историк Ренессанса Якоб Буркхардт, французский искусствовед Ипполит Тэн или датский критик Георг Брандес, обратили внимание на новинку. Но их мнение было сильнее тысяч других отзывов.

Буркхардт был по сути первым ницшеанцем в историографии: он превозносил титанов Возрождения, коварный ум Макиавелли, артистизм власти над людьми и власти над материей, который далек от обычных представлений о добре и зле. Буркхардт создал привычный нам из учебников образ Ренессанса как эпохи гуманизма, антропоцентризма, поправки всех прежних ценностей, торжества самоутверждающейся личности — но этот образ и адаптировал мысль Ницше для всех любителей искусства. Ипполит Тэн впервые стал говорить о жизни, специфическом жизненном порыве, стоящем за отдельными решениями художников и отдельными формами цивилизации — что тоже отвечало пафосу живой жизни у Ницше. Наконец, Брандес создал культ современного че-

На океанском дне разрушенных ценностей...

ловека, предсказанного Шекспиром, человека гамлетовского типа, сомневающегося, раздвоенного, слабого и рефлексирующего — такой человек неизбежно должен смениться сверхчеловеком, удерживающим героизм Гамлета, но не знающим его сомнений. Брандес адаптировал Ницше для театралов, любителей зрелищ, открыв ему путь в массовую культуру XX века с ее суперменами и другими супергероями.

За Буркхардтом, Тэном и Брандесом пришли и новые критики. Так, в России Д. С. Мережковский в книге «Л. Толстой и Достоевский» объявил, что оба великих русских писателя тоже были по ту сторону добра и зла. Толстой воспевал преобразенную плоть, единство с миром, с природой, как способ критики социальных отношений. Достоевский превозносил дух, который всегда парадоксален, всегда отражает непостижимую волю Божию. И плоть Толстого, и дух Достоевского однозначно стоят по ту сторону добра и зла, хотя, бесспорно, настоятельно требовательны. Мучение совести — это не обида от того, что твой поступок разошелся с добром, потому что такая обида будет мелочна и мстительна, но само действие природы, живой жизни, которая ревностна, которая не прощает, что человек вместо жизни выбирает мелочные тяжбы с собой и самообман, как толстовский Иван Ильич. Когда человек себя оправдывает, или столь же мелочно себя осуждает, жизнь видит в этом предательство, измену, и стремится наказать изменившего ей. Таковы братья Карамазовы у Достоевского, каждый из которых хочет как лучше, но каждый подвергает сам себя и испытанию, и наказанию.

В нашей культуре нашлись и субъекты, стоящие по ту сторону добра и зла: шуты, юродивые, чудаки или чудики (Василий Шукшин). Это люди, совсем не соответствующие ожиданиям, не стремящиеся всем угодить, но напротив, провоцирующие других, совершающие вредоносные поступки, навлекающие на себя многочисленные обвинения. Но оказывается, что на этих чудаках и держится мир. Современный поэт Дмитрий Данилов хорошо изобразил своеобразного ницшеанца — самолет конструкции Можайского, который

Александр Марков

не мог взлететь из-за тяжести паровых машин, но который и сделал возможным воздухоплавание как социальный институт и предмет общественного внимания:

В основе любого
Большого дела
Должна лежать
Какая-то неудача
И чем она будет
Более нелепой
Тем лучше.¹

Комментарии подготовлены с учетом как достижений современного ницшеведения, так и того метода критики понятий, который разработан в «Словаре непереводаемости» под редакцией Б. Кассен (Paris: Seuil, 2004). Данное издание послужило одним из важнейших источников вдохновения для этого предисловия (вступительного слова, комментария). Сверка с немецким оригиналом проведена по изданию: Friedrich Nietzsche. Werke in drei Bänden. München 1954, Band 2, случаи уточнения перевода даются в примечаниях.

*Александр Марков,
профессор РГГУ и ВлГУ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН*

¹ Данилов Дм. Самолет Можайского // Октябрь. 2019. № 12. <https://magazines.gorky.media/october/2019/12/samolet-mozhajsogo.html>

**ПО ТУ СТОРОНУ
ДОБРА И ЗЛА**